

УДК 167/168 => 001.378.1:061.6

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-51-65

Дискуссия о *полезности* социально-гуманитарного знания в современной науке (социальные аспекты)

А. М. Аблажей

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Проведен анализ места и роли гуманитарных наук в современной структуре научной деятельности с точки зрения *полезности*. Показано, что дискуссии такого рода характерны не только для отечественной, но и зарубежной науки. Приведены примеры обоснования общекультурного, мировоззренческого и узкоутилитарного понимания полезности гуманитарного знания в современном Университете. Сделана попытка предложить собственные трактовки ответа на поставленные вопросы.

Ключевые слова

современная наука, гуманитаристика, полезность, утилитаризм, прагматика, коммерциализация, «эпохальный перелом»

Для цитирования

Аблажей А. М. Дискуссия о *полезности* социально-гуманитарного знания в современной науке (социальные аспекты) // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 51–65. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-51-65

© А. М. Аблажей, 2019

Discussion on the *Usefulness* of Social and Humanitarian Knowledge in Contemporary Science (Social Aspects)

A. M. Ablazhey

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The author analyzes the place and role of the humanities in the modern structure of scientific activity from the point of view of utility. You can see that discussions of this kind are characteristic not only of domestic, but also foreign science. There are numerous examples of substantiation of general cultural, ideological and narrowly utilitarian understanding of the usefulness of humanitarian knowledge in a modern university. The conclusion offers our own interpretations of the answer to the posed questions.

Keywords

contemporary science, humanities, usefulness, utilitarianism, pragmatics, commercialization, “epochal break”

For citation

Ablazhey A. M. Discussion on the *Usefulness* of Social and Humanitarian Knowledge in Contemporary Science (Social Aspects). *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 51–65. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-51-65

Важным признаком последнего десятилетия стала резкая актуализация дискуссии о природе, месте и роли современной науки – в сфере экономики, общественной жизни и культуры. Активное обсуждение таких явлений, как коммерциализация и коммодификация науки, выдвижение ряда новых концепций, призванных обосновать и зафиксировать основные тренды трансформации сферы получения научного знания (в данном случае важна даже не оценка, а констатация самого факта серьезных изменений), привели к появлению общего предмета для дискуссии – тезиса о происходящем «эпохальном переломе» в развитии классической науки (подробнее об этом см.: [Аблажей, 2019]), последствия которого еще только предстоит увидеть. Одна из популярных – концепция «*постмодернистского господства технологий*» (здесь и далее курсив мой. – А. А.). Ее автор, П. Форман (P. For-

man), делая упор прежде всего на *культурный* контекст существования науки, утверждает, что с начала 1980-х гг. мы стали свидетелями «внезапного и резкого смещения в культурных предпосылках, касающихся *взаимоотношений между наукой и техникой*... культурный приоритет науки по отношению к технике, который сохранялся на Западе в течение двух тысяч лет, был инвертирован в пределах удивительно короткого периода времени»¹ [Schiemann, 2011. P. 437].

Еще одна популярная концепция сводится к обоснованию синтеза науки и технологий в виде *технонауки*: в этом случае технология начинает рассматриваться как прикладная наука, а наука – как своего рода прикладная технология, интеллектуальный и физический контроль над которой зависит от технологического модуса мышления. Важно учитывать при этом различие трактовок удачно выбранного термина: если Латур и Харауэй подчеркивают значение технонауки как нового понимания *природы исследования*, предлагающего новые способы действия и взаимодействия, то технонаука в логике постмодерна подчинена в первую очередь интересам *реализации желаемых целей*, которых следует добиваться *любыми средствами* [Nordman, Radder, 2011. P. 11].

Последователи Зимана делают упор на деформации классического этоса науки под влиянием промышленного и предпринимательского секторов. Дж. Зиман, напомним, является автором концепции «*постакадемической науки*», для которой характерен ряд новых признаков, противопоставленных традиционным. Для науки в этом случае будут характерны следующие признаки: а) *частное*, а не общественное благо; б) *локальное*, а не универсальное явление; в) *утилитарно ориентирована*, а не бескорыстна; носит г) *заказной*, а не оригинальный, характер; выполняет скорее д) *экспертную*, а не критическую функцию [Ziman, 2000]. Проведенные нами исследования убедительно подтвердили неоднозначные глубинные последствия коммерциализации для преподавательской и управленческой практики в российских университетах и академических институтах, связанной с уси-

¹ Пер. А. М. Аблажея.

лением влияния неолиберального мировоззрения и политики [Аблажей, 2013].

Мы не случайно начали статью ² с разговора об «эпохальном переломе». По нашему мнению, именно в рамках данного подхода разговор о месте науки в современном мире все чаще начинает сводиться к обсуждению места и роли тех или иных *конкретных* наук. В данном случае более всего нас будут интересовать социальные и гуманитарные дисциплины: то место, которое они занимают в современном университете – в специфическом контексте *полезности*. Обвинения в «бесполезности» гуманитарных дисциплин давно стали общим местом для очень многих представителей естественных и точных наук; о якобы существующем «перекосе» развития системы высшего образования в пользу юридических или экономических специальностей не говорил только ленивый (забывая при этом, что именно они, по сути, спасли многие технические вузы, позволив ввести в начале 1990-х гг. систему платного образования) ³. Вероятнее всего, активизация подобных дискуссий вызвана усилением конкуренции в академической сфере, связанной с утверждением прагматического подхода к образованию со стороны как государства, так и общества. Не пытаясь в одном тексте дать развернутый ответ на подобную критику, вместо этого приведем некоторые аргументы, которые, будем надеяться, помогут прояснить картину.

В 2005 г. представители гуманитарного сообщества Корнельского университета провели «круглый стол», результатом которого стал выпуск небольшого, в сто с небольшим страниц, сборника из восемнадцати эссе, посвященных положению гуманитарных наук в современном университете. Редакторами издания стали проректор вуза Бидди Мартин, проф. Дж. Питер Лепаж, декан Колледжа искусств и наук Гарольд Таннер и Мохсен Мос-тафави, декан Колледжа архитектуры, искусства и планирования. Главная

² В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на V Сибирском философском семинаре (Новосибирск, сентябрь 2016 г.).

³ Один из последних показательных примеров аргументации такого рода см.: [Хеннер, Макарихин, 2019].

цель выпуска книги обозначена во Введении и заключается в поиске ответа на весьма злободневные вопросы: каково положение гуманитарных дисциплин (humanities) в специфическом контексте американских исследовательских университетов? Можно ли квалифицировать их современное положение как кризис? Наконец, ключевой вопрос, вынесенный в название – должно ли гуманитарное знание быть *полезным*, т. е. приносить ощутимую выгоду в утилитарном, чаще всего коммерческом, смысле? По словам Мостафави, представленные в книге эссе являются результатом широких дискуссий о гуманитарных науках и гуманитарном знании, которые велись в стенах Корнельского университета в течение 2005–2006 гг. Он также выразил надежду, что благодаря изданию сборника удастся показать как широкий спектр мнений, так и глубину размышлений о гуманитарных науках, а также инициировать дальнейшее вдумчивое обсуждение данной темы.

Приведем несколько примеров того, как видят современное состояние гуманитарных дисциплин американские коллеги. Автор заглавного текста, давшего название всему сборнику, Д. Бойер, рассуждает о сложности поиска ответа на вопрос, полезны ли гуманитарные науки. С одной стороны, ответ вроде бы очевиден: они полезны *всегда*. С другой, когда мы начинаем ставить более частные вопросы – *как и для кого* они полезны, ситуация усложняется: выясняется, что полезность гуманитарных наук для очень многих людей не является бесспорной истиной. Обсуждая далее возможные ответы на поставленный вопрос, Бойер, подчеркивая факт поразительного многообразия гуманитарных исследований и практик, от философии до гуманистически ориентированных социальных наук, таких как антропология, спрашивает: как можно представить, что такое большое количество людей занимаются бесполезным делом? Естественно, они не согласятся с уничижительным мнением о предмете своих исследований. В то же время, далее Бойер недоумевает и даже испытывает скепсис по поводу отдельных видов гуманистической практики – «они выглядят непонятными, таинственными и эзотеричными...» [Do the Humanities..., 2006. P. 8].

К. Крокер, автор эссе «Вообразите мир, в котором есть только факт», пишет: мы считаем гуманитарные науки полезными, поскольку не сможем выжить без них. Мы были очарованы музыкой прежде, чем узнали, что она может сделать нас умнее, мы не всегда изучаем историю только из-за вытекающей из нее морали, и мы не любим друг друга просто для того, чтобы продолжить человеческий род. Правильно гордиться и радоваться нашим научным достижениям, и не менее правильно выражать искреннюю признательность искусству и истории; «мы благодарны за брошенный нам вызов в виде трудных вопросов и одновременно защищаем наше право на собственные области исследования: не нужно забывать о необходимости красоты, отбрасывая ту или иную книгу просто потому, что в ней нет уравнений» [Do the Humanities..., 2006. P. 28].

Б. де Бэри в эссе «Против прозрачности» выражает уверенность, что сегодня «историкам и философам нужна как надежда, так и сдержанность; это обязательное условие для всех, кто считает себя гуманитариями. Наше понимание того, кем мы являемся, кого и что мы презентуем, расширяется. Новые средства массовой информации распространяют информацию, в том числе визуальную, с такой скоростью и в таком масштабе, которые, кажется, подавляют способности [нашего] восприятия, делающие нас людьми... [Другими словами], полезность гуманитарных наук заключается прежде всего в выполнении важнейшей функции: слушать и говорить о человеке *аккуратно (carefully)*» [Ibid. P. 36].

П. Уве Хохендал, размышляя о книге как явлении культуры в эссе «За любовь к книгам», задается следующими вопросами. Будут ли существовать в будущем привычные нам библиотеки в качестве места *физического* пребывания книги? Как развитие электронных медиа способно повлиять на судьбу книги в целом? По его мнению, становится все более очевидным, что новые средства передачи информации и знания явно меняют мир публикаций, а следовательно, и судьбу печатной книги. Но как это развитие изменит условия труда и в целом практики гуманитарных наук, пока неясно.

Д. Ла Капра, автор эссе «Что важно для гуманитарных наук?», пишет о жизненной необходимости духа либерализма, щедрости и склонности к обмену знаниями, который органически свойственен для гуманитарных наук; не менее важна и другая отличительная черта – знание в этих науках открыто для дебатов.

Рассуждая о ценности (value) гуманитарного знания, К. Мартин указывает, что в своих лучших проявлениях науки о человеке и культуре представляют собой «праздник движения, трансформации и чуда. Гуманистическая критика дает возможность мыслить, открывать и понимать, освобождая нас от негибкости и стереотипов сознания, которые убивают любопытство и ограничивают нас нашими же страхами. Мы возлагаем огромные надежды на технологические инновации и те науки, которые ими движут, как и должно быть... [но] давайте воздадим должное [также] изобретательности языка, искусства и культуры, их способности удерживать пространство друг друга и заставлять нас задумываться не только о наших надеждах, но и ограничениях» [Do the Humanities..., 2006. P. 93].

В эссе с длинным названием «Возвращаясь к моему ноутбуку: технология дизайна, полезность и гуманитарные науки», Ф. Сенгерс предлагает «посмотреть правде в глаза: инжиниринг отлично подходит для разработки оптимизированных решений проблем, для выяснения того, как сделать что-то быстро и эффективно. Но вряд ли он так же хорош, когда нам необходимо выяснить, как те или иные технические решения будут вписываться в жизнь людей. Что будет лично значимым для меня? Как данное устройство будет резонировать с моими ценностями? Как это изменит структуру нашей повседневной жизни? Сможет ли изменить нашу жизнь к лучшему? Для ответов на эти вопросы дизайнеры обращаются именно к гуманитарным наукам» [Ibid. P. 102].

Еще один пример: американская философ М. Нуссбаум в книге, посвященной судьбе гуманитарного знания в современной культуре (несколько лет назад переведенной на русский язык), подчеркивает такой немаловажный аспект, свойственный именно гуманитарным наукам, как воспитание независимого, критического мышления, которое «вероятно, не будет иг-

рать важную роль в образовании, нацеленном на экономический рост... Наличие у студентов независимого мнения опасно, когда необходимо получить группу технически обученных, послушных специалистов, которые могли бы воплощать в жизнь планы элиты, стремящейся привлекать иностранные инвестиции и развивать технологии. В этом случае критическое мышление будет лишним» [Нуссбаум, 2014. С. 38].

Марк Уолден, профессор Университета Северной Каролины, автор универсального синтетического учебного курса в области гуманитарных наук HUMIS ⁴, также обращается к вопросу о том, насколько важна гуманитаристика для все более технологичного мира в условиях, когда области, которым сегодня уделяется наибольшее внимание – специализированные дисциплины STEM (наука, технология, инженерия и математика): «поощрение исследований здесь, безусловно, имеет логический смысл и потребность в выпускниках в этой области будет продолжать расти... Нет сомнений в том, что технология управляет экономикой, и ее возможности будут только расширяться в будущем». Пытаясь рассуждать рационально и прагматично, Уолден пишет далее: «...есть мнение, что по мере того, как технологии будут становиться все более изощренными и все более распространенными, обучение гуманитарным наукам на самом деле станет более – не менее! – ценным. С технологиями, которые занимают все больше и больше нашей жизни, мы стали более ориентированными на машины и менее ориентированными на человека... люди теряют способность общаться с другими на личной основе. А в деловом мире, особенно на уровне менеджмента, межличностное общение лицом к лицу по-прежнему жизненно важно. Большинство важных решений по-прежнему принимаются именно так. Люди, обучающиеся в области гуманитарных наук, благодаря изучению литературы, языка, истории и выражению идей и чувств в искусстве, имеют опыт, соответствующий этой потребности... [плюс к этому] применение технологий следующего уровня потребует культурных изменений, и разработчики новой технологии должны будут понять этот куль-

⁴ URL: <https://cals.ncsu.edu/news/you-decide-are-the-humanities-still-useful-in-a-tech-world/> (accessed 10.06.2019).

турный сдвиг, чтобы добиться успеха. Ряд исследований свидетельствуют о новом понимании полезности гуманитарных экспертов в современной высокотехнологичной экономике. Многие компании обнаружили, что гуманитарные специальности делают отличных менеджеров и лиц, принимающих решения».

Алисса Волкер в эссе «Почему гуманитарные науки важны как никогда прежде?»⁵ также рассуждает о важности гуманитарного знания, гуманитаристики в широком смысле в наше рациональное время. По ее мнению, именно изучение философии, истории, литературы до музыки, искусства, социологии, психологии и антропологии, т. е. всего спектра гуманитарных наук – делает нас людьми. Противопоставление *science* как главным образом естественно-научного знания и *humanaties*, т. е. гуманитарного знания, традиционно в истории западной цивилизации и во многом объясняет мир вокруг нас. Но если гуманитарные науки так важны, почему они так недооценены? Потому что трудно оценить то, как мы обрабатываем человеческий опыт, трудно определить траекторию вашей карьеры с гуманитарным образованием. Гуманитарные науки трудно определить количественно, именно поэтому они важнее, чем когда-либо. Далее она пытается выделить причины критической важности гуманитарного знания для современной цивилизации. Среди них: целью гуманитарных наук является развитие личности, развитие гражданина; противоположностью гуманитарных наук является невежество; технологии привлекают людей тем, что технические дизайнеры понимают людей, а для понимания людей требуется глубокое знание гуманитарных наук; наконец, они позволяют интерпретировать мир по-разному, мы имеем возможность понять другую точку зрения, даже если мы с ней не согласны.

Таковы рассуждения зарубежных коллег. Теперь обратимся к российскому контексту. Для начала – небольшой пример из собственной исследовательской биографии автора. Несколько лет назад мне довелось быть исполнителем проекта по заказу властей одного из сибирских регионов.

⁵ URL: <https://www.masterstudies.com/article/Why-the-Humanities-Are-More-Important-Than-Ever/> (accessed 10.06.2019).

Проект касался оценки перспектив развития системы высшего образования. Одним из обязательных элементов технического задания по проекту было наличие выгоды и практических рекомендаций для системы управления. Вопрос – правильно ли это? Должны ли ученые давать рекомендации, причем зачастую практически-управленческого характера? Или их дело – изучить ситуацию, показать возможные направления развития, обрисовать контекст, в границах которого предстоит принимать и исполнять те или иные управленческие решения? Это, на мой взгляд, вопрос, не имеющий однозначного ответа. В известном смысле подобная ситуация – яркий пример усиления тенденций *коммодификации* социально-гуманитарного знания, роста удельного веса утилитарных аспектов, тогда как в соответствии с классическим представлением о науке она является социальным институтом, где высшей ценностью всегда считалась свобода поиска.

Одной из ярких черт, характеризующих положение науки и ученых в нынешней социальной иерархии, стало невнимание к их нуждам и непонимание возможностей науки со стороны региональных властей. По мнению наших собеседников из сибирских регионов, власть на местах, совершенно не понимая роли и значения науки, не считает нужным проводить обсуждение тех или иных проблем с участием ученых: *«В республике вообще такое отстраненное отношение к науке... все делают вид, что науки нет, но она, тем не менее, есть и развивается абсолютно автономно»*⁶. Когда того же собеседника попросили сравнить нынешние взаимоотношения власти и научного сообщества с теми, которые были характерны для советского периода, то выяснилось, что в то время они были гораздо более конструктивными: *«В советский период статус науки был выше за счет партии, потому что мы контактировали с обкомом партии, и они как раз признавали знания, пользовались очень часто... естественно, что наши работники постоянно писали всевозможные доклады. Что касается моих личных впечатлений, то я чувствовала, что мое мнение интересно. Сейчас это никому не интересно вообще; средства массовой информации*

⁶ Здесь и далее курсивом выделены цитаты из экспертных полуструктурированных интервью, проведенных автором в разные годы в научно-образовательных центрах Сибири.

тоже не очень активно интересуются нашим мнением... К нам власть никакого интереса не проявляет, это абсолютно точно». Положение не спасают даже те люди из властных органов, которые сами прошли через аспирантуру и защитили диссертации, увеличив тем самым свой социальный капитал. Почему так происходит? По мнению одного из опрошенных нами ученых, связано это с тем, что *«просто по пальцам можно перечесать тех, кто понимает, что такое наука, т. е. они сами прошли вот это все, не получили готовое»*. Очевидно, что эти люди, рассматривая науку только как удобную ступеньку в карьере, не в состоянии были усвоить истинные ценности, свойственные научному сообществу: *«...если говорить о настоящей науке, то по сути это бессеребренничество и полная отдача. Тогда только можно говорить, что этот человек ученый»*. Такого рода идеи вряд ли актуальны для человека, выбравшего бюрократическую карьеру.

Еще один вариант реакции на запрос полезности со стороны общества – это внедрение так называемых *гуманитарных технологий* (под которыми в соответствии с одним из определений, понимаются «приемы, методы и средства трансляции и реализации управленческих решений, опирающиеся на ценностный пласт сознания индивидов и групп»). Другими словами, мы фактически отходим от образа мышления, свойственного представителям наук о культуре и человеку, пытаюсь мыслить как технократ. Правильно ли это? – большой вопрос.

В одном из проведенных нами опросов ученых ставилась задача выяснить, как сами ученые оценивают перспективы развития науки в стране, учитывая тот факт, что одной из задач инициированной и проводимой органами государственной власти, прежде всего бывшим министерством образования и науки, реформы сферы науки, как академической, так и вузовской, выступает ее ускоренная коммерциализация, встраивание в систему рыночных отношений. Результаты проведенного несколько лет назад опроса убедительно доказывают: отношение самих ученых к данному процессу скорее отрицательное. Лишь около 30 % исследователей в области социогуманитарных дисциплин отмечали в целом позитивное влияние

процесса коммерциализации, понимаемой как приспособление к рыночным условиям, на положение науки. В то же время остальные 70 % оценили его либо как крайне негативный процесс, либо как по большей части негативный. Этот факт подтверждает мнения большинства экспертов в том, что *«наука как бизнес (или политика, или ремесло) имеет мало общего с наукой как призванием. Как мало общего между использованием идей и их генерацией»*. Анализ мнений членов провинциальных гуманитарных сообществ о том, какие факторы заставляют их в сложившихся условиях сохранять верность науке, показывает, что ведущую роль играет такой мотив, как любовь к своей профессии, работе; желание быть нужным, полезным обществу. Лишь явное меньшинство остаются в науке потому, что не могут найти более подходящего места, равно как и боятся остаться без работы. Значительная часть ученых все еще сохраняет надежду на позитивные изменения; многих удерживает в науке тот коллектив, в котором они работают, даже несмотря на то, что материальное обеспечение оставляет желать лучшего.

Британский социолог Лори Тейлор, обозреватель университетской жизни в «Times Higher Education Supplement», несколько лет назад писал о том, что в наши дни университетский кампус стал местом столкновения двух фундаментальных ценностей – прагматизма и духовности, аудиторов и интеллектуалов. И если попробовать сформулировать наше мнение о *полезности* гуманитарного знания, то оно может быть сведено к следующим пунктам.

Полезность социогуманитарного знания с точки зрения интересов государства – может быть понята как возрождение, в известном смысле, советской традиции – как *реализация идеологического заказа*. И потенции к этому есть. Пример: руководитель вновь созданного гуманитарного направления в одном из российских национальных *исследовательских* университетов прямо заявил, правда, в частном разговоре, что его главная задача – вовсе не развитие научной составляющей, а подготовка идеологов. Это и будет прямым выполнением государственного заказа. Еще пример из этой серии: несколько лет назад Институт социологии выиграл конкурс

на выполнение крупного госзаказа – речь идет о пресловутых «духовных скрепах». Казалось бы, демонстрация полезности налицо, но многие ли гуманитарии согласятся с такой позицией?

Полезность с точки зрения университетского менеджмента – сугубо утилитарная польза в виде выполнения формальных показателей по цитируемости и привлечения платных студентов. Подобная линия также представлена.

Наконец, полезность с точки зрения самого сообщества и защиты идеи университетской автономии. С этой точки зрения одна из главных функций гуманитария в университете, и прежде всего по отношению к представителям естественных и точных наук – занимать критическую позицию, задавать им неудобные вопросы, так скажем, мировоззренческого характера – зачем? для чего? каковы последствия вашего открытия для человека? Яркий пример подобного рода структуры – Европейская комиссия по биоэтике, в состав которой входят не только биологи и врачи, но и представители гуманитарных наук (долгие годы ее членом был известный российский философ-научковед Б. Г. Юдин).

Именно представители гуманитарных наук должны, наряду с коллегами с других университетских кафедр, выступить активными проводниками идеи (и в этом смысле следует вспомнить Канта и его «Спор факультетов») – идеи того, что перед университетом стоит задача определения направлений его развития, для чего необходима максимальная диверсификации источников развития – как условия сохранения его в качестве уникального образовательного и научного института, которым он всегда являлся. Подчеркнем, что в данном случае речь не идет только об увеличении удельного веса средств, полученных в качестве платы за обучение – как правило, эти средства концентрируются в руках ректората и становятся лишь дополнением к бюджетным деньгам. Речь идет об увеличении доли тех доходов и того влияния, на которые отсутствует право монопольного распоряжения со стороны руководства вуза. Это могут быть средства ассоциаций выпускников, эндаументы и т. д. Заметный рост такого рода доходов неизбежно приведет к усилению влияния тех же попечительских сове-

тов в качестве параллельных органов если не оперативного управления вузом, но определения стратегических целей и источников его развития, которые, при внушительных объемах параллельного финансирования (речь идет, естественно, о государственных вузах), вполне могут выступать на равных как с университетской, так и государственной бюрократией. Наличие же пусть мощного, но занимающего монопольное положение источника финансирования (в нашем случае – государственных средств по линии профильного министерства) и соответствующих практик и институций их распределения неизбежно приводит к эрозии университетской демократии, отстранению преподавательского community от участия в действительно важных делах вуза и в конечном счете ухудшению качества образования и самой идеи Университета.

Список литературы / References

- Аблажей А. М.** Трансформации института науки в современных условиях: анализ исследовательских подходов // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 2, ч. 1. С. 44–62.
- Ablazhey A. M.** Transformatsii instituta nauki v sovremennykh usloviyakh: analiz issledovatel'skikh podkhodov [Transformations of Science in the modern conditions: analysis of the research approaches]. *Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, no. 2, part 1, p. 44–62. (in Russ.)
- Аблажей А. М.** «Постакадемическая наука»: зарубежные дискуссии и российский опыт // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11, № 2. С. 42–48.
- Ablazhey A. M.** “Postakademicheskaya nauka”: zarubezhnye diskussii i rossiiskii opyt [Post-academic science: foreign discussions and Russian experience]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, no. 2, p. 42–48. (in Russ.)
- Нуссбаум М.** Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: ВШЭ, 2014. 192 с.

Nussbaum M. Ne radi pribyli. Zachem demokratii nuzhny gumanitarnye nauki [Not for Profit. Why Democracy Needs the Humanities]. Moscow, HSE Publ., 2014, 192 p. (in Russ.)

Хеннер В., Макарихин И. Техническая деградация // Эксперт. 2019. № 20. С. 36–40.

Henner V., Makarikhin I. [Tehnicheskaya degradatsiya [Technical degradation]. *Expert*, 2019, no. 20, p. 36–40. (in Russ.)

Do the Humanities have to be useful. Cornell Uni. Press, 2006. 118 p.

Nordmann G., Radder H. (eds.) Science Transformed? Debating Claims of an Epochal Break. University of Pittsburgh Press, 2011, 232 p.

Schiemann G. An Epoch-Making Change in the Development of Science? A Critique of the “Epochal-Break-Thesis”. M. Carrier. A. Nordmann (eds.). Science in the Context of Application. *Boston Studies in the Philosophy of Science*, 2011, vol. 274, p. 431–453.

Ziman J. Real Science: What It Is, and What It Means. Cambridge Uni. Press, 2000, 412 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

17.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Аблажей Анатолий Михайлович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Anatoly M. Ablazhey, Candidate of Science (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

ablazhey63@gmail.com